

После начала учебного года Ци Муцин уже не мог целыми днями пропадать в парке. Занятий у него было немного, в основном по утрам, поэтому свободное время после обеда он проводил в кабинете, изучая книги по искусству, а после уроков отправлялся в парк рисовать.

Он опасался, что заказов станет меньше, но, к его удивлению, каждый день удавалось найти двух-трех клиентов, а иногда и четыре-пять. Теория и практика шли рука об руку, и мастерство Ци Муцина росло не по дням, а по часам. В этот период он чувствовал невероятный прилив сил.

В субботу в школе выдавали зарплату. Отстояв утреннюю смену и получив деньги, Ци Муцин сжимал в руке двадцать девять юаней, и только тогда почувствовал, что всё по-настоящему. Поездка в провинциальный центр стала казаться достижимой целью.

По дороге в парк он шагал легко и быстро. На самом деле, сегодня он не собирался идти, но мысль о заработке не давала покоя: через пару месяцев наступит зима, стемнеет рано, и рисовать на улице станет невозможно.

Не дойдя до места, он увидел знакомую девочку и высокую девушку, стоявших у большого дерева. Заметив его, девочка помахала рукой.

— Привет! Мы тебя ждали. Это моя подруга, она тоже хочет портрет. Я же просила сделать мне скидку, а я буду приводить к тебе людей! — улыбаясь, сказала девочка.

— Я не торгуюсь, — ответил Ци Муцин. Для человека не самого общительного торг был делом утомительным, поэтому он просто установил фиксированную цену в двадцать фэней за последний набросок.

Он хорошо запомнил эту девочку, которая прождала целый день, с утра до вечера, лишь бы он нарисовал её последней.

— А можно мне цветной портрет? — спросила высокая девушка в желтом платье.

Ци Муцин, раскладывая вещи, поднял взгляд и внимательнее посмотрел на неё.

— Можно.

Неудивительно, что она привлекла его внимание: за последнее время он продавал только карандашные наброски — они делались быстро и стоили дешево. Цветной портрет стоил один юань, а у большинства людей, имея они лишний юань, нашлось бы желание сходить в фотоателье. Эта цена была написана на обратной стороне его мольберта, и Ци Муцин считал её справедливой, хотя сам он практиковался в цвете нечасто.

Теперь, приступая к работе, он не чувствовал прежней робости. Может, дело было в хорошем

настроении, а может, в чем-то еще, но, глядя на девушку, которая тихо сидела перед ним, он внезапно поймал вдохновение.

— Сядьте на каменные ступени. Да, так. Примите самую удобную позу. Вот, хорошо, будьте естественны.

Ци Муцин, начав рисовать, обычно забывал обо всем на свете. Когда он отложил карандаш, то обнаружил, что вокруг собралась целая толпа. Люди молчали, боясь потревожить художника.

На рисунке девушка улыбалась, её лицо выглядело свежим и нежным. Ветер растрепал пряди волос, мягко обрамлявшие лицо, что придавало её спокойному и благородному облику нотку легкости. Она безмятежно сидела на ступенях, а на фоне домов, дорог и гор казалось, будто эта девушка застыла в моменте, олицетворяя собой покой целой эпохи.

— Посмотрите, вы довольны? — спросил он.

Девушка в желтом платье взглянула на рисунок, и её глаза, похожие на молодой месяц, наполнились восторгом.

— Конечно, она довольна! Это даже не она, а какая-то фея. Этот юань потрачен не зря, хотя я и собиралась сбить цену, — вставила другая девушка.

Ци Муцин, который уже устал от её настойчивости, лишь неловко улыбнулся.

— Спасибо, мне очень нравится, — сказала девушка в платье. Когда она произнесла это, она посмотрела на Ци Муцина с неким колебанием, словно хотела что-то добавить.

— Что-то не так? — спросил он.

— Вы не могли бы нарисовать мою бабушку?

— Конечно.

— Моя бабушка умерла много лет назад, я даже не успела с ней попрощаться. У нас не осталось её фотографий, и я боюсь, что со временем забуду, как она выглядела, — девушка опустила голову, её глаза покраснели.

Ци Муцин нахмурился:

— Я попробую?

Зрители, собравшиеся поглазеть на работу, и не думали расходиться — всем было любопытно, справится ли он.

Хотя он ответил неуверенно, девушка кивнула ему с доверием и погрузилась в воспоминания:

— Бабушка была строгой женщиной. Невысокая, очень худая, лицо овальное, скулы высокие, глаза небольшие, чуть прищуренные...

Ци Муцин задумался, его рука быстро двигалась по бумаге, после чего он показал результат девушке.

— Не совсем то. Форма лица похожа, но у бабушки подбородок был острее, нос — прямее, а глаза... уголки глаз вот здесь уже...

Так, с правками, они испортили больше десяти листов, потратив немало сил. В какой-то момент девушка начала плакать:

— Смотрите, это же она, моя строгая бабушка.

— Ты просто мастер! Я знала эту старушку. Хотя сходство не стопроцентное, любой, кто её знал, сразу узнает, — прошептала ему круглолицая подруга.

— Неужели правда так похожа? — перешептывались люди в толпе, снедаемые любопытством.

Девушка кивнула и украдкой взглянула на подругу в платье.

— Спасибо вам. Меня зовут Сяо Ин. Я очень довольна рисунком, вы настоящий мастер. Я обязательно порекомендую вас друзьям. — Сяо Ин быстро взяла себя в руки, смутившись от количества людей вокруг, и протянула Ци Муцину пять юаней.

Увидев, что она без колебаний отдала пять юаней, народ убедился в том, что работа действительно стоила того. Ци Муцин приготовил две юаня сдачи, но девушка отказалась их брать.

— Этот рисунок потребовал от вас огромного труда, он того стоит.

— Я беру за последний рисунок дня только половину цены, — ответил Ци Муцин. Он видел, что девушка из состоятельной семьи, но правила есть правила. Сегодня на два рисунка ушло слишком много времени, а он планировал вернуться пораньше.

Вложив деньги ей в руку, он присел на корточки, чтобы собрать вещи, и обратился к толпе:

— Завтра утром я снова буду здесь, а на сегодня всё.

Люди начали расходиться. Ци Муцин промывал кисти в воде.

— Ты учишься рисовать? В каком университете? — Сяо Ин не ушла, а присела рядом, помогая складывать краски в сумку.

Ци Муцин взглянул на неё и отодвинулся:

— Вы мне мешаете.

Он хотел только одного — вернуться домой. Чтобы подольше посидеть в парке, он не заходил домой после школы и за весь день съел лишь два хлебца.

— Видела? — раздался голос любительницы торговаться.

Сложив всё, Ци Муцин встал и сказал двум девушкам:

— Если будут клиенты, буду благодарен, если порекомендуете меня. А я пойду.

Глядя на его удаляющуюся фигуру, Сяо Ин слегка улыбнулась, заправила прядь волос за ухо и прижала рисунок к груди.

— Ну что, говорила я тебе, что он красавчик? Я же предупреждала, что он на всех девушек ноль внимания. Но он же взял с тебя на два юаня меньше! Я в прошлый раз целый день его уговаривала, чтобы скинуть жалкие тридцать фэней, — с ноткой зависти сказала подруга.

— Ты, кроме внешности, ничего не видишь. Нужно смотреть вглубь, он очень талантлив, — Сяо Ин не согласилась с ней.

— Посмотрим. Если бы сегодня пришел старик, ты бы так долго с ним возилась? Жаль, что он даже имени своего не сказал.

Ци Муцин не слышал споров девушек. По дороге домой он думал о том, что приготовит учитель Сун Цзыюй, и радовался, что заработал еще три юаня.

Толкнув дверь, он увидел двух женщин, сидевших на диване, и сразу сжал губы. Его лицо выражало нерешительность, а одну руку он машинально спрятал за спину.

— Мама? Сестра? Как вы здесь оказались?

— Мама, танхулу! — глаза Ци Мучунь загорелись.

— Что, пришел и сразу морду кривишь? Кому ты это показываешь? Крылья отрастил, забыл дорогу домой? — Ван Сюхэ смотрела на сына в чистой белой рубашке, выглядевшего как настоящий городской житель, и не могла поверить, что это её второй сын, из которого раньше слова было не вытянуть.

Услышав его голос, она поняла, что слухи о его работе учителем — правда. От этой мысли её охватил гнев, она бросилась к нему, ухватила за ухо и принялась осыпать ударами. Ци Муцин отпрянул, ударившись спиной о дверной косяк, но не произнес ни звука.

— Послушайте, мама Ци Муцина, мы в моем доме, не стоит здесь устраивать сцены, соседи сбегутся, — Сун Цзыюй, сидевший напротив, не ожидал такой агрессии от женщины, которая до этого казалась скромной, и его голос стал строгим.

— Мама, хватит, учитель Сун сердится, — Ци Мучунь, стоявшая в стороне, потянула мать за рукав.

— Учитель Сун? — Ван Сюхэ была слишком разгневана, чтобы слышать кого-то, но, заметив холодный взгляд Сун Цзыюя, нехотя опустила руку и вытерла ладони о брюки.

— Я просто сгоряча... Дети — это всегда одни долги... — пробормотала она. — Чего стоишь? Иди сюда!

Ци Муцин повесил сумку за дверь.

— Мама! — тихо позвала Ци Мучунь, она побаивалась учителя, но красные ягоды танхулу выглядели слишком заманчиво.

— Такая большая, а всё туда же, — мать вырвала лакомство у сына и отдала дочери.

Ци Муцин промолчал, сжал кулаки, в которых держал купленные для учителя танхулу, и молча подошел к Сун Цзыюю.

— Тебе девятнадцать лет, а не младенец. В деревне в твоём возрасте уже женятся и ведут хозяйство. Неужели нет своей головы на плечах? — Сун Цзыюй чувствовал тяжесть в душе, глядя на ссутулившегося Ци Муцина.

Раньше в школе Ци Муцин был робким и чувствительным, ходил, опустив голову. В последнее время, может, из-за работы, он стал оживать, хотя перед Сун Цзыюем всё еще терялся, а на людях держался сдержанно и вежливо, напоминая настоящего учителя.

— Хотя с начала старшей школы твоя семья оплатила лишь один семестр, а все остальные расходы я брал на себя, как ты мог не сообщить им, что с тобой всё в порядке? Неужели они бы отобрали у тебя деньги? — продолжал Сун Цзыюй.

Ван Сюхэ заметила, что учитель бросил на неё косой взгляд.

— Учитель Сун, вы не правы. Я всё слышу, вы меня отчитываете? Что хочу, то и делаю со своим сыном. Мы дома впроголодь живем, а он в городе жирует. Посмотрите, вырядился, как человек, и сразу родню забыл! — Ван Сюхэ никогда не позволяла себя обижать, даже словами.

Ци Муцин крепко сжимал края штанин, слушая, как учитель защищает его.

— Верни учителю Сун деньги, которые я ему должен, и я поеду с тобой. За два года на проживание и учебу — сто четыре юаня семьдесят фэней, — твердо сказал Ци Муцин.

— У меня нет денег! Ты же учитель, где твоя зарплата? — Ван Сюхэ растерялась, сумма была огромной.

— Мне плевать, не говори ерунды, сегодня же поедешь со мной домой! — она злобно зыркнула на сына.

— Я только начал работать, у меня нет денег. А долги нужно отдавать. Даже когда получу зарплату, сначала отдам долг учителю, — Ци Муцин действительно не имел лишних денег: зарплату он берег на лечение Сун Цзыюя, а деньги от продажи картин планировал копить, чтобы вернуть остальной долг.

— Ах ты щенок, наглеешь? — Ван Сюхэ начала кричать. Она приехала, услышав, что сын стал учителем и гребет деньги лопатой, хотя и не верила в это. Но когда несколько человек подтвердили, она решила проверить. Узнав в школе, что он действительно работает учителем, она обрадовалась: теперь можно поправить дела старшего сына, который учится в университете.

— Мама Ци Муцина, я не знаю, кто вам сказал, что он работает учителем. Он преподает по моей рекомендации, подменяет меня. Зарплата идет мне, а я плачу ему десять юаней в месяц. Если вас не устраивает, я могу найти другого, — Сун Цзыюй не ожидал такой твердости от Ци Муцина и решил вмешаться.

— Десять юаней? Он же учитель!

— Конечно, учитель, но он подменяет меня. Школа переполнена, я сам должен там работать. Десять юаней — это немало, желающих полно, — Сун Цзыюй уверенно лгал.

— Тогда отдай мне те десять юаней за прошлый месяц. Я узнавала, он уже больше месяца

работает. Я его мать, я буду хранить деньги на его женитьбу, — Ван Сюхэ протянула руку к учителю.

— Мама! — воскликнул Ци Муцин.

— Содержание родителей — долг детей. Соседка, бабушка Чжан, получает от трех сыновей по десять юаней — это плата за содержание. У вас трое сыновей и дочь, Муцин первым начал зарабатывать, вот его доля. Остальное — дело совести. Иди, возьми деньги в шкафчике у кровати, — сказал Сун Цзыюй.

— Учитель Сун, вы не имеете права решать за нас, десять юаней — это подачка!

— Я чужой человек, я говорю о долге, остальное — ваше дело. Не хочу в это вникать, — Сун Цзыюй не собирался тратить время, на улице уже стемнело.

— Мама, вы с сестрой отдыхайте, а я пойду, — сказал Ци Муцин. По дороге он не проронил ни слова, лишь довел их до гостиницы.

— Ты давай, старайся, ублажай своего учителя, а как получишь деньги — неси домой, слышишь? — прикрикнула мать.

— Я наконец-то понял, что на тебя нельзя рассчитывать, — сказала она, решив, что позже сама заберет всё, что нужно.

— Я вообще ваш родной сын? — Ци Муцин наконец заговорил. Он много думал: он вырос, пора брать ответственность на себя и перестать ждать одобрения от семьи. Исполнил долг — и хватит.

— Ладно, спите. Я ухожу. Больше не приходите сюда с разборками. Если придете — мне придется извиниться перед учителем и уехать с вами, всё равно дома еды хватает, — его голос звучал безжизненно и твердо.

— Ах ты щенок! — Ван Сюхэ снова замахнулась.

Ци Муцин схватил её за локоть и потащил к выходу:

— Какая гостиница? Поехали сейчас же. Учитель Сун — добрый человек, я не хочу его больше обременять.

— Не поеду! — она вцепилась в дверной косяк.

— Как вы ко мне, так и я к вам. Буду присылать по пять юаней в месяц, у нас четверо детей, это честно.

— Хорошо, я согласна, — проворчала она, видя, что сын настроен решительно.

— Справедливость этих денег пусть останется на вашей совести. И не вздумайте идти к учителю или в школу. Если придете — я поеду в университет к старшему брату и расскажу всем, как он учится на деньги, добытые кровью младшего брата, — Ци Муцин знал, что для неё важнее всего репутация старшего сына.

Ван Сюхэ вскочила, её лицо исказилось от ярости, но она поняла, что он не шутит. Проклятия застряли у неё в горле.

<http://bllate.org/book/21591/2225489>